

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДЪЕМ В 1922–1929 ГОДЫ

О.Ю. Левин

преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Аннотация: Статья о церковной ситуации в Тамбовской епархии по окончании Гражданской войны. Посвящена приходской жизни в епархии, возвращению народа к вере в сложных условиях господства атеизма.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Православие, Тамбовская епархия, Гражданская война, духовный подъем, приход.

Ситуация, в которой оказалась Русская Православная Церковь в 1920-е годы, была особенной. Впервые, несмотря на расколы, притеснения властей и начавшуюся антирелигиозную пропаганду, Церковь была свободна, т.е. свободна в том смысле, что ей не приходилось теперь выполнять никаких государственных функций или поддерживать какую-либо государственную идеологию, а жить своей внутренней церковной жизнью. Свобода эта была куплена дорогой ценой – ценой крови многих сотен новомучеников. Именно в это время заметно некое оживление церковной жизни, которое можно назвать «религиозным подъемом».

В 1920 году священник Благовещенского храма села Новотомниково Моршанского уезда, на одной из страниц клировых ведомостей делает обширную запись, которая как бы подводит итог уходящего года. Священник пишет: «В последнее время, когда народ стал испытывать тяжести жизни вообще и нужду в частности, стали замечать поворот к прежнему, народ стал вспоминать Бога и являть усердие к храму и служителям церковным. В храме, вне храма и при возможных удобных случаях проповедуется Слово Божие и разъяснение Закона Божиего»¹. И действительно, народ стал постепенно возвращаться к прежним делам веры, как будто выходя из длительного умопомрачительного запоя. Прихожане церкви села Криуша Тамбовского уезда 22 июня 1924 года просят Тамбовский уисполком разрешить им принять в свой приход почитаемую икону

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2415. Л. 59.

«Неопалимая Купина» из церкви села Волчков Козловского уезда², а верующие села Большая Липовица 11–16 июня 1925 года просят разрешения принять Тамбовскую икону Божией Матери с причтом Богородицкой церкви. С ней предполагается хождение по домам в деревнях: Конягино, Тарасово, Бабино, Попова, Троицкое, Андреевка, Степановка. Спустя месяц, в июле, в том же приходе уже готовятся обходить приход с местнотимой иконой Божией Матери «Отрада и утешение»³. Местные волостные и уездные власти в это время еще охотно идут на встречу верующим и не запрещают им почитать свои местные святыни, разрешая и хождение по полям и принятие икон из других приходов. Однако иногда в дело вмешивается ОГПУ и рекомендует не допускать подобного рода религиозные церемонии. Так было в селе Нижнее Спасское Рассказовской волости в 1924 году, где начальник губернского отдела ОГПУ Козлов был против выдачи разрешения на проведение крестного хода по полям «ввиду политической неблагонадежности лиц, подписавших заявление (о выдаче разрешения. – *Примеч. О.Л.*)». Судя по всему, монахи Вышенского монастыря ежегодно продолжали обходить с Вышенской иконой некоторые приходы в основном Шацкого и Моршанского уездов. Принесение иконы в Тамбов было запрещено еще в 1918 году, в Моршанске она также последний раз была в 1918 году, а вот по уездам все еще обносилась. С таким положением упорно боролись репрессивные органы, и, видимо, 1923 год стал последним годом, когда икона покидала пределы Вышенского монастыря. Именно в этот год был арестован сопровождавший икону монах Иван (Моденов), по обвинению «в религиозной агитации явно к/р направления и шантаже, обирания темных масс под флагом Вышенской иконы»⁴.

В 1925 году секретари уездных комитетов партии отмечали в своих отчетах, что население по-прежнему остается религиозным. Так, секретарь Козловского укома писал: «В отношении выполнения религиозных обрядов нужно сказать, что население, как городское, так и сельское, еще не изжило этих предрассудков. Это видно из следующих примеров: имевшиеся за этот период так называемые престольные праздники по селам вызывали среди крестьянского населения большое гуляние (...). Другим примером

² Там же. Ф. Р-408. Оп. 1. Д. 51. Л. 198.

³ Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 130. Л. 108.

⁴ Там же. Ф. Р-512. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

неизжития церковных обрядов можно указать на особенное оживление на местном рынке перед „праздником“ старого стиля и сравнительное затишье перед днем отдыха 25 декабря»⁵. Инструктор Борисоглебского уезда Трофимов в декабре 1925 года сетует: «Мало произошло каких-либо изменений во взглядах на старый быт и религиозные предрассудки»⁶. О том же говорят на заседании бюро коммунисты Пригородного, Раненбургского и Старославинского районов. В 1928 году «в районе имеется некоторое оживление религиозного движения»⁷. Старый уклад жизни в сельской местности почти не изменился. В глубинке, еще слабо затронутой социальными изменениями, все было по-прежнему. В Пичаево в местной школе весь преподавательский состав состоял из дочери диакона и дочерей священника, а сама школа располагалась в церковной сторожке. А в селе Тюковка изба-читальня располагалась в церковной караулке, и таких фактов было немало. Выходцы из духовного сословия или же просто верующие люди, занимающиеся активной деятельностью в церковном приходе, нередко работали в волисполкомах и даже уисполкомах.

Способствовали религиозному подъему и внешние факторы. 1924–1925 годы были неурожайными, в 1926–1927 годах вдруг появился слух о возможной войне с Китаем, который усиленно муссировался. Кроме того, по-прежнему в некоторых селах обновлялись иконы, как это было в селе Куровщина Кирсановского уезда, где 19 июня 1924 года обновилась икона, что сразу возбудило верующий народ, помнящий еще массовые обновления 1922 года.

Это была эпоха усиленного посещения различных святых мест и особо массовых паломничеств к святым источникам. Кроме тех источников, которые почитались традиционно, появились и новые. Летом 1926 года начальник губернского отдела ОГПУ Козлов информировал губком о появлении в с. Павловка Сосновской волости нового источника. Он писал следующее: «На краю села открылся „чудодейственный колодец“. По опросу жителей на этом месте и раньше был родниковый колодец, в котором поставили сруб. Проживающий старик около колодца стал и во сне и наяву слышать какой-то голос в колодце, призывающий его, чтобы он

⁵ ГАСПИТО. Ф. 840. Д. 2759. Л. 162.

⁶ Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3180. Л. 53.

⁷ Там же. Ф. 835. Оп. 1. Д. 84. Л. 140.

попросил местного попа села Павловка, отслужить благодарственный молебен, потому что здесь пребывает сам Господь. Старик пошел к попу и объявил ему „вещие слова“, но поп не пошел служить молебен, а приказал тому же старику оповестить население о появившемся чуде, о святости колодца. Тот не мог отказаться от приказания попа и немедленно оповестил все население. Вслед за этим появилась какая-то монашка и начинает проповедовать около колодца. Мужики собрались и бабы и решили идти к колодцу, со всеми иконами с большим крестным ходом, на что получили разрешение Сосновского волисполкома, и шествие и торжественное служение произвели свое действие на верующих. Тут же стали купаться и набирать с собой этой же воды. С этого момента и пошла слава про святой Челищевский источник»⁸. Причем характерно отношение к этому явлению местной волостной власти. По словам Козлова «этот колодец посещал предвиком Сосновской волости Мурашкин, секретарь Сосновского вика Карасев, начальник волмилиции, побывали, посмеялись и только». А Сосновский волисполком и вообще «дает разрешения на молебны всякому проходящему попу». Несмотря на сигналы начальника губернского ОГПУ, гражданская власть продолжала бездействовать. И только после того как священники сел Михайловка, Павловка и Шульгино в августе 1926 года организовали и провели крестный ход к колодцу, в котором приняло участие до 1000 человек, губернские власти приняли решительные меры: 7 ноября 1926 года источник закрыли, часовню над ним разобрали⁹.

История с Павловским источником завершала то движение по массовому посещению источников, которое началось еще в 1923–1924 годах. В мае 1924 года в селе Дубовом Раненбургского уезда Рязанской губернии (в 25 км от села Старое Сеславино Тамбовской губернии) к местному источнику, известному уже более 200 лет, усилился поток странников. Но особое внимание к источнику было возбуждено рассказом местного пастуха, который в конце мая во время грозы и ливня видел исходящий из колодца дым. К источнику приходило более 1000 человек в день, а в праздничные дни до 10000 человек. Чаще всего паломники приходили из Рязанской и Тамбовской губерний. По решению Тамбовского

⁸ Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3468. Л. 92.

⁹ Там же.

губернского комитета партии 20 июня 1924 года для обследования колодца была направлена губернская комиссия во главе с уполномоченным ОГПУ по Козловскому уезду С.И. Кондратьевым. Комиссия установила, что людей привлекают к источнику рассказы о многочисленных исцелениях, полученных во время купания в нем. Освидетельствовав колодец, члены комиссии составили акт: «Комиссия считает необходимым рекомендовать скорейшую ликвидацию означенного колодца и паломничества к нему, служащим центром и источником антисоветской агитации...»¹⁰.

Технология закрытия подобных источников была опробована в 1924 году и впоследствии существенно не менялась. Вот как это было при закрытии Шапкинского колодца. Приняв решение о закрытии колодца, губернский комитет партии на заседании, проходившем 7 сентября 1924 года, составил план действий, назначил ответственных за операцию. В поддержку им выделили 6 конных милиционеров и еще милиционеров Больше-Алабинской и Мучкапской волмилиции. Сруб с колодца сняли, колодец засыпали землей, временно поставили милицейский пост. В местных газетах появились статьи, «разоблачающие» чудеса, бывавшие у источника. В том же 1924 году из часовни над источником святителя Тихона Амафунтского в селе Большой Ломовис изъяли статую, почитаемую как изображение святителя, позже разрушили и саму часовню.

Отметим такой примечательный факт: в это время народ жил в ожидании чего-то значительного и чудесного, ждал какого-то знамения с неба, видимо, полагая все наличные признаки конца времен. На Павловском источнике ожидали открытия каких-то мощей, а над Шапкинским колодцем видели некий знак в виде дыма во время ливня. Важно и то, что, действительно, на источниках происходила масса исцелений, чего раньше, во всяком случае, в таком количестве, не наблюдалось. Поэтому можно сказать, что в основе религиозного подъема 1920-х годов лежат не только факты объективного свойства (засуха, ожидание войны и. т. д.), но и субъективного: все происходящее убеждало даже маловерующих в истинности христианской веры.

Еще одно интересное явление того времени связано с почитанием подвижников благочестия. В 1926–1928 годы получило

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 834. Оп. 1. Д. 1475. Л. 9.

большой резонанс так называемое «Шмаровское религиозно-фанатическое движение». В селе Шмаровка Мордовской волости Борисоглебского уезда с 1913 года проживал Иван Егорович Шумский, местный уроженец. До 1913 года он подвизался на Афоне. Можно предположить, что вернулся на родину в связи с «афонской смутой». Во всяком случае, он и на родине продолжил свой подвижнический образ жизни. Брат выкопал ему огромную яму, где он проживал зимой, а летом жил на крыше дома, как на столпе, причем не покидал крышу в любую погоду. Егор Иванович явно юродствовал, одет всегда был в халат, и зимой и летом носил валенки без подошвы. Имел дар прозорливости, а по его молитвам люди исцелялись. Егорушка в народе почитался, к нему шли за помощью и советом издалека. К 1927 году толпы людей постоянно находились около места его жительства. Первоначально власти не обращали на Егора Ивановича серьезного внимания, считая его человеком больным или чудаком. К нему даже приезжали представители от волисполкома и уисполкома. Они часто к нему заходили, шутили с ним. Количество паломников возросло в 1928 году. В это время местный сельсовет, видя, что районные власти не принимают никаких мер по отношению к Егору Ивановичу, со своей стороны также считали его за обычное явление, и на одном из своих заседаний сельсовет вынес постановление оставить Шумского на месте.

В 1928 году некий К.И. Ковальчук написал письмо в народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, где высказал свое возмущение по поводу проживания Шумского в Шмаровке. Из Москвы в Борисоглебский окрком тотчас пришла директива – разобраться на месте с фактами, изложенными в письме. 12 августа 1928 года комиссия в составе начальника Мордовского районного отделения милиции П.И. Рябова, председателя Борисоглебского оргбюро СБ Н.Г. Шатилова и народного следователя 8-го участка Борисоглебского округа Ткаченко Якова прибыла в Шмаровку и выяснила следующее: «Так называемый „святой“ Егор Иванович, крестьянин вышеназванного села, 42 лет. Ранее был монастырским послушником в Афонском монастыре, где у него впервые и проявились припадки умственного расстройства. Прибывши вновь в свое село накануне войны 1914 г., Егор Иванович в течение трех лет жил на положении „дурочка“. Прыгал со скирдов и деревьев, ходил полураздетым по улицам села,

ругался, сквернословил, время от времени ходил в храм, где также держал себя крайне ненормально, что свидетельствовало о его психической невменяемости». То есть Егор Иванович сразу же был позван как «психически невменяемый». Обстановку вокруг жилища святого «ревизоры» описали следующим образом: «Каждое воскресенье, в особенности по ночам, собирается человек 200–300 его почитателей, жаждущих чудес. На крыше около избы „святого“ горят костры из лампадного масла. Дым, копоть, молитвенные завывания кликуш, смачивание грязных тряпок в горящем масле и отирание ими болячек и язв, втирание закопченными на „святом“ огне носовыми платками больных глаз детей и подростков на исцеление. Вот обычная картина вокруг „святой“ избы»¹¹.

Понаблюдав на месте за Егорушкой и порасспросив местных жителей, члены комиссии составили акт, в котором сделали следующий вывод: «Крестьяне с. Шмаровка поголовно, за исключением 2–3 человек, верят в святость Егории Ивановича. Местный сельсовет и избач малоинициативные и почти бессильны что-либо предпринять к изжитию подобного явления. В селе лишь один партиец. Комсомольской ячейки нет. Политическое настроение крестьян можно квалифицировать как антисоветское, что, несомненно, связано с пребыванием в селе „святого“, которого посещают подозрительные личности из разных мест, в виде отставных попов и людей с четками». Обратим внимание на то главное, что прозвучало в этом акте: настроение крестьян антисоветское. Кроме того, был сделан важный вывод, что «по приведенным данным о хлебозаготовках, реализации займа, сбора налога, можно сказать, что Шумский влиял на местное население, этим и объясняется отсталость сельсовета во всех областях советской работы». Поэтому в Борисоглебске к докладу комиссии отнеслись самым серьезнейшим образом и решили тщательно подготовиться к дальнейшим действиям. В Борисоглебском округе была создана Комиссия по ликвидации «религиозно-фанатичного движения» в Шмаровке, которая на своем заседании от 23 августа 1928 года решила изъять Егора Ивановича из Шмаровки. Понимая, насколько это была нелегкая задача, комиссия разработала специальный план, состоящий из следующих пунктов: «В четверг 23.08 произвести обследование в территориальном и санитарном отношении

¹¹ ГАТО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

местонахождения „святого“, о чем составить акт. В пятницу 24.08 провести заседание Шмаровского сельсовета с участием крестьянского актива; добиться постановления об изоляции „святого“ и ликвидации инфекционного очага. В субботу 25.08 произвести фактическую ликвидацию религиозно-фанатичного очага, удалив „святого“ с направлением такового в психическую лечебницу. В воскресенье 26.08 провести общее собрание граждан по вопросу о ликвидации религиозно-фанатичного движения. В течение всего этого времени санврач проводит беседы по вопросам гигиены и санитарии. Провести подготовительную работу и к 29.08 организовать в Шмаровке ячейку СБ. Все работы по ликвидации религиозно-фанатичного очага закончить к 1.09. с/г». Как видим, коммунисты делали особый акцент на то, что наличие в селе такого места – это источник инфекционных болезней. Дело в том, что подвижник вокруг своего жилища выкопал маленькие ямки, куда наливалось масло (алея). Паломники смачивали платки в этом масле и смазывали больные места, кроме того, члены комиссии сами наблюдали такую церемонию: «Ежедневно по утрам он вылазил на крышу дома и коптил себя в так называемой алеи, затем падал на землю, опять поднимался, делал подозрительные движения (...) женщины смотрели как на „святого“ и вместе с ним забирались на крышу и принимали копчение алея»¹².

Однако намеченные планы были сорваны. Ни в субботу, ни в воскресенье «изъять» Егорушку не удалось, и лишь во вторник 28 августа при помощи милиции Егор Иванович был схвачен и отвезен в Мордово. Одна из местных жительниц вспоминала об этом так: «Взяли веревки, думали, он сопротивляться будет, а когда приходили его забирать, он сказал: „Дед Вань, да на кой веревка? Я и так сяду“. Народ бежал за ним до Мордова. Там его обрили, искупали, одели во все новое»¹³. Можно предположить, что властям как-то удалось перехитрить народ, воспользовавшись внезапностью и тем, что вместе с Егорушкой был арестован и местный священник. Однако дальше события развивались не так, как того хотелось безбожникам.

Егорушка и приходской священник были привезены в Мордово в 12 часов дня и помещены в здании районного адмотдела. На всем

¹² Там же. Л. 14.

¹³ Бородин А.И. Воспоминания [Звукозапись]. Тамбов. 14.06.1999 г.

пути от Шмаровки до Мордова повозку, на которой везли Егорушку, сопровождала небольшая толпа народа. Весть о том, что подвижник арестован, мгновенно разнеслась по всему уезду, и уже при подъезде к зданию адмотдела толпа увеличилась до 500 человек, а потом и до 1000. Люди заблокировали все входы и выходы из здания. При попытке отправить Егора Ивановича почтовым поездом народ оттеснил группу милиционеров, сопровождавших Егорушку, внутрь дома, в помещении были выбиты окна, слышались призывы бить милицию, а представителей советской власти называли «грабителями и разбойниками». Осажденные решили дожидаться ночи, надеясь, что с наступлением ее удастся незаметно провести арестованных к ж/д платформе. Но не тут-то было, к вечеру людей стало еще больше. Верующие собралась около окон, зажгли на окнах свечи, стали петь церковные песнопения. Снова была предпринята попытка прорваться через ряды людей, в милиционеров полетели камни, и те вынуждены были спрятаться внутри здания. Лишь к 12 часам ночи народ стал расходиться, а самые преданные отошли от здания адмотдела, где читали молитвы. Воспользовавшись этим, коммунисты вывели Егорушку из здания и отправили в товарном вагоне в Борисоглебск.

Описанный случай – типичный для своего времени, но советская власть и в дальнейшем будет упорно бороться со всяким проявлением святости, а любой православный подвижник будет объявляться «умалишенным» или «невменяемым». Уж очень не вписывались подобные люди в окружающую их действительность.

В этот короткий период поистине почти идеальными стали отношения прихожан и архипастырей, они вернулись к первоначальной чистоте, порой напоминая времена раннехристианские, когда епископ, как глава общины, был для ее членов и духовный отец, и друг. Особенно ярко такие отношения проявились в Моршанском викариатстве. В 1923 году сюда был назначен епископ Моршанский Иоанн (Георгиевский). Владыке Иоанну удалось забрать у обновленцев Троицкий собор, сделав его кафедральным. Епископ много проповедовал, не оставлял ни одного запроса без ответа, и народ потянулся в храм. Службы при нем приобрели большую торжественность, а сам он стал пользоваться особой любовью прихожан. Обычно владыка Иоанн совершал литургию каждую субботу, воскресенье и в престольные праздники. В Великий

пост служил пассивно, в Великий четверг совершал чин омовения ног. Двенадцать священников садились на амвон, и он с тазиком подходил к каждому и омывал ноги. Очень хорошо говорил проповеди, а на Пасху объезжал окрестные церкви.

Постепенно к 1928 году вокруг епископа Иоанна и его ближайшего сподвижника протоиерея Василия Алабовского образовался небольшой кружок ревнителей Православия – своеобразное братство. Периодически на квартире о. Василия для спевков и беседований собирались миряне, в основном прихожане Никольской церкви, которая числилась у властей «оплотом тихоновцев, где группируется вся реакционная каста бывших людей со своими священниками». Решено было ликвидировать этот очаг православной деятельности, и первоначально, так сказать, для пробы, была снята часть колоколов с церкви, что вызвало возмущение прихожан. 8 мая 1929 года оно вылилось в выступление верующих около Феодоровской церкви против беззаконий, творимых местной властью (в этот день около церкви собралось 200 человек). Предшествовало этому еще одно выступление верующих 3 мая 1929 года, когда в клубе Рабпроса проходила антирелигиозная лекция, и снова был поднят вопрос о снятии колоколов. Обстановка накалилась до того, что крестьяне чуть не избили заведующего клубом и комсомольцев. Только вмешательство милиции предотвратило избиение. Протоиерей Василий Алабовский выступил с церковного амвона с очень резкой проповедью, в которой современное положение в стране назвал «безбожием, лживо прячущимся за благосостояние народа», а власти назвал «новыми нероновскими гонителями...», предал анафеме (проклятию) и инициаторов снятия колоколов. Его поддержали пастыри и в других храмах. Органами ОГПУ тут же было сфабриковано так называемое «дело федоровцев», по которому арестовали несколько человек, а сам протоиерей Василий Алабовский в ноябре 1929 года был расстрелян.

Конечно же, все эти моршанские события стали знаменательными. Период временных послаблений закончился, и с 1929 года начал раскручиваться маховик новых гонений на Церковь.